

ВА часа в переполненном зале стоит густая, заинтересованная тишина. Ни одного слова не произносится и на сцене. Там идет своя, особая жизнь — жизнь движений, поз, жестов, мимики. Жизнь, полная смысла, страсти, борьбы и мысли.

Так происходит каждый вечер на выступлениях наших гостей из Литвы, труппы пантомимы Каунасского музыкального театра.

О каунасской пантомиме — единственной в стране профессиональной труппе — мы слышали давно, радовались настойчивым поискам молодых литовцев, одобряли их преданность этому не очень распространенному еще у нас виду искусства, ждали новых работ. И вот сначала в августе, а теперь снова труппа пантомимы выступает у нас на гастролях.

Коллективом руководит двадцатилетний Модрис Тенисон, артист, режиссер, художник, неудержимый энтузиаст и выдумщик, до самозабвения полюбивший пантомиму.

Правы, по-моему, те, кто считает, что высшие достижения пантомимы нужно искать не столько в отточенном до предела мастерстве движений, сколько в глубине мыслей, в остроте символов, рожденных пантомимой. Но нель-

ГОВОРИТ ТИШИНА

зя отрывать содержание от формы. Нельзя не учитывать уровень художественных средств, при помощи которых артист-мим воплощает свою идею. И все-таки самое высокое мастерство, безукоризненное владение телом могут пропасть зря, если все эти богатства будут потрачены только на «перетягивание каната», «бег на месте», «сопротивление ветру» и т. п.

Мне кажется, что одно из достоинств молодого коллектива (он существует всего пять лет) — каунасской пантомимы — состоит как раз в смысловой наполненности их спектаклей и номеров, в стремлении как можно больше высказать мыслей, чувств в пантомиме. В своих спектаклях литовские мимы говорят на серьезные, философские темы, пытаются раскрыть суть многих явлений жизни, передают тонкие психологические нюансы человеческих переживаний и настроений.

Кроме того, ощущается горячая заинтересованность всех членов коллектива в предметах разговора, в подходе к темам, проблемам — видна и напряженная

боль, и вера, и ненависть, и нежность, и забота. Наверное, именно эта искренность и заставляет зрителей с вниманием и волнением воспринимать представления труппы.

Пора, однако, подкрепить примерами мои впечатления. Два спектакля каунасцев — «Каприччио XX века» и «Вот человек» — существенно отличаются один от другого.

Конечно, и решены эти спектакли по-разному. Один — бурный, резкий, наполненный массовыми сценами, порывистый и жесткий. Другой — медлительный, концентрированный, состоящий из отдельных новелл, в которых часто действует лишь один человек.

В «Каприччио» переживается, например, трагическая история рождения фашизма. Одна из сцен рассказывает, как тупая толпа мещан создает себе кумира, не замедлившего стать диктатором, и вот он уже губит Художника, ставит на колени толпу, правит и руководит мнениями и вкусами... Вот «обсуждение» произведения Художника: кажется, что все «ценители» говорят

по-разному, но оказывается, что суть их высказываний совершенно одинакова: «Все плохо». Любопытной деталью подчеркнуто это роковое «единодушие»: на всех креслах, с которых поднимаются один за другим «ценители», прикреплены совершенно одинаковые маски...

На заднике сцены — экран, где постоянно в ходе действия сменяют друг друга изображения контрастов нашего века. Измученные матери Вьетнама — и ухоженные, разодетые американские красотки; худые, голодные дети — и блюдо с искрящейся ветчиной на столе очередного миллионера; разрушенные войной хижины — и шикарные лимузины богачей. Действие, развивающееся в тишине зала на этом фоне, усиливает намеченную экраном мысль, углубляет ее, открывает отношение молодых артистов к делам и событиям века.

В спектакле есть сцены очень сильные по эмоциональному воздействию, они радуют своей художественной завершенностью, удачной, продуманной композицией. Это, к примеру, сцена ги-

бели Художника. И хотя введение звуков (крики, стоны, рев толпы, шепот молитвы) в сцене не бесспорно, думается все же, что это не нарушает целостности восприятия, а скорее выглядит как дополнительная красота, усиливающая его. Хочется верить, что подобные поиски в развитии искусства пантомимы принесут этому коллективу и более заметные удачи.

В спектакле «Вот человек» в этюдах «Цветок», «Маски», «Женщина», «Шепот» и других молодые артисты выступают за человека-борца, деятельного создателя, способного отстаивать свою веру, принципы, выступающего за все самое лучшее и справедливое на земле.

Вероятно, многое удастся коллективу отчасти потому, что артисты очень серьезно относятся к своему искусству. И выражается это не только в неустанных репетициях и тренировках — чисто профессиональных занятиях, а и в том, что ребята, например, серьезно изучают психологию. Когда готовился спектакль «Каприччио», на репетициях постоянно присутствовал психолог,

с которым артисты и режиссер советовались и подробно беседовали.

Каждый год все участники труппы занимаются дополнительным предметом искусства. Один сезон они активно увлекались живописью, много бывали на выставках, читали специальную литературу, сами писали, обсуждали. Другой год стал годом скульптуры. Это помогло артистам живее представить форму, ощутить объем, правильнее, лучше почувствовать линии человеческого тела. И на этот раз не только смотрели, обсуждали, читали книги, но и лепили сами. В прошлом году в труппе читали курс философии и истории искусств. Каждый приготовил доклад по заинтересовавшей его теме.

За пять лет существования коллектив пантомимы создал пять больших спектаклей, спектакли для детей (Тенисон справедливо считает, что основы понимания искусства нужно закладывать с детских лет и через движение, которое так близко маленьким людям, можно о многом с ними говорить), много отдельных номеров.

Несколько слов о том, что, на мой взгляд, не удастся нашим гостям. Мне показались затянутыми, рождающими даже мысль об однообразии многие сцены спектакля «Вот человек». Думает-

ся, он выиграл бы от большей компактности, сжатости. Это помогло бы и четче выявить мысль, которая порою расплывается и дает повод для двоякого толкования ее.

Очевидно, что у актеров еще впереди работа над безукоризненным владением телом, над высокой техникой пантомимы. Не которым не хватает еще полного постижения глубины мысли, а главное — движение еще не всегда становится истинным художественным средством, полностью выражающим замысел. Наверное, отсюда — имитация разговорной мимики; по-моему, это выглядит лишь как прямая иллюстрация, «драма без слов». Это от недостатка собственных средств, средств пантомимы.

В труппе Тенисона объединились десять очень разных человек: бывший биохимик, актер, спортсмен, строитель и т. д. Но их соединила беззаветная любовь к пантомиме, которая стала теперь их профессией, их единственным и главным делом. И все они продолжают совершенствоваться в этом деле — и более талантливые и те, кому еще предстоит многое постичь.

Всем им хочется пожелать постоянной неуспокоенности, которая наверняка приведет труппу к новым удачам.

Э. ЮЛИНА